А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 210** **15 августа 2024 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя – адвоката Г., адвоката П., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Г. от 27 мая 2024 года (вх. № …) в отношении адвоката П. (регистрационный номер … в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 19 июня 2024 года вынесла заключение:

– о необходимости прекращении дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе адвоката Г. от 27 мая 2024 года (вх. № …), в части дисциплинарных обвинений о совершении адвокатом П. в рамках осуществления защиты А. по уголовному делу № … действий, нарушающих права и законные интересы обвиняемого А., а также подрывающих *«деловую репутацию других адвокатов»,* – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе адвоката Г. от 27 мая 2024 года (вх. № …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель – адвокат Г. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии не согласен. Поддержал доводы своих письменных возражений от 12 августа 2024 года (вх. № …). Отвечая на вопросы членов Совета, сообщил,

что в своих выступлениях и процессуальных актах адвокат П. не указывал его фамилию как одного из адвокатов А., который предположительно оказывал воздействие на свидетеля. При этом он никогда не был единственным защитником А., их всегда было несколько.

Адвокат П. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии согласен.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что заявителем – адвокатом Г. в период с 30 августа 2023 года по 20 мая 2024 года осуществлялась защита А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 3 ст. 286 и ч. 1 ст. 183 УК РФ, по уголовному делу, находящемуся в производстве ГСУ СК Российской Федерации.

17 января 2024 года в указанное уголовное дело в качестве защитника обвиняемого А. на основании заключенного Соглашения об оказании юридической помощи вступил адвокат П.

29 марта 2024 года заявитель – адвокат Г. и адвокат П. совместно участвовали в судебном заседании Басманного районного суда города Москвы, в котором рассматривался вопрос о продлении срока содержания А. под стражей. Из аудиозаписи судебного заседания, достоверность которой была подтверждена в результате дисциплинарного разбирательства, следует, что адвокат П. заявил следующее: «*Довод следствия о том, что А. оказывается давление на свидетелей, в рассматриваемом случае не может быть применим к А., поскольку каких-либо документальных подтверждений о том, что А. оказывал какое-либо давление, не имеется. В материалах дела имеется о том, что давление так называемое оказывалось это адвокатами, либо иными лицами, но не А.. При этом никаких, естественно, там поручений и одобрений о том, что кто-либо каким-либо образом взаимодействовал со свидетелями, А. никому не давал*» [Цитата, аудио-файл с названием «…», тайминг: с 43 минуты 30 секунды до 44 минуты 12 секунды – *Примечание Совета*].

Судом в указанном заседании было вынесено постановление, которым продлен срок содержания обвиняемого А. под стражей. 15 апреля 2024 года на это постановление защитником обвиняемого А. адвокатом П. была принесена апелляционная жалоба, в которой, помимо прочего, указано следующее: «*Довод об оказании давления на участников судопроизводства в рассматриваемом случае к А. не применим. Данное утверждение является введением суда в заблуждение по следующим основаниям:*

Из представленных материалов следует, что действия, которые можно расценить как оказание давления на участниками судопроизводства совершались:

1. адвокатами

2. либо иными лицами

– но не А.

Из результатов процессуальных действий, согласно представленным документам, следует, что вероятное давление на участников судопроизводства оказывалось в период нахождения А. под стражей.

В виде изложенного, данный довод следствия опять же лишен какого-либо смысла и не может негативно характеризовать А.» [Орфография и организация текста сохранены – *Примечание Совета*].

Из аудиозаписи судебного заседания … суда от 08 мая 2024 года, достоверность которой также подтверждена в результате дисциплинарного разбирательства, следует, что в своем выступлении адвокат П. заявил: «…*Напротив, в материалах дела отсутствуют сведения об оказании давления именно А. давления на кого-либо. Все зафиксированные случаи относятся к действиям адвокатов А., когда он непосредственно находился под стражей*» [аудиофайл с названием «…», тайминг: с 16 минуты 00 секунды до 16 минуты 35 секунды – *Примечание Совета*].

20 мая 2024 года обвиняемым А. на имя старшего следователя по ОВД ГСУ СК России Го. было подано заявление следующего содержания: «*В связи с расторжением соглашения с адвокатом Г. на осуществление им моей защиты по уголовному делу № …, я в дальнейшем от его услуг отказываюсь. Отказ не связан с моим материальным положением*».

28 мая 2024 года обвиняемым А. было подано рукописное заявление, адресованное адвокату Г., следующего содержания: «*Я, А. от Ваших услуг в качестве защитника по уголовному делу отказываюсь*».

Жалоба адвоката Г. в отношении адвоката П. поступила в Адвокатскую палату города Москвы 27 мая 2024 года.

Переходя к анализу выдвинутых адвокатом Г. дисциплинарных обвинений в отношении адвоката П., Совет отмечает следующее.

Как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что полномочия адвоката Г. как защитника обвиняемого А. прекратились 20 мая 2024 года.

То обстоятельство, что заявление на имя адвоката Г. об отказе от его юридической помощи было подано обвиняемым А. только 28 мая 2024 года, не влияет на этот вывод, поскольку в заявлении, поданном следователю, А. указал на расторжение соглашения с адвокатом Г., тогда как в заявлении на имя адвоката Г. обвиняемый А. указал на факт отказа от «услуг» адвоката Г. «в качестве защитника по уголовному делу».

В соответствии с п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Абзац 3 п. 2 этой же нормы Закона устанавливает, что вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными вышеуказанным Федеральным законом.

Соглашение между адвокатом и доверителем является гражданско-правовым договором, который по своему виду наиболее близок к договору поручения. В соответствии с требованиями, предусмотренными ч. 1 ст. 977 ГК РФ, договор поручения прекращается вследствие отмены поручения доверителем. Таким образом, с момента расторжения доверителем соглашения с адвокатом (отмены поручения) правовые основания участия адвоката в деле в качестве защитника отсутствуют.

Не влияет на вывод о прекращении полномочий адвоката Г. как защитника обвиняемого А. 20 мая 2024 года и ссылка заявителя адвоката Г. на осуществление им адвокатской деятельности в адвокатском бюро, поскольку с указанного момента он не имел права представлять интересы обвиняемого А., в том числе участвовать в процессуальных действиях в качестве защитника, вне зависимости от продолжения оказания А. юридической помощи другими адвокатами адвокатского бюро.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что выдвинутое заявителем – адвокатом Г. дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом П. прав и законных интересов обвиняемого А., в том числе требований пп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, не может быть предметом рассмотрения в связи с отсутствием у адвоката Г. полномочий выступать в интересах А. в настоящем дисциплинарном производстве. Доказательств наделения А. адвоката Г. полномочиями по обращению в его (А.) интересах в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой в отношении адвоката П. также не представлено.

Жалоб со стороны самого А. на действия адвоката П. в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Таким образом, допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства в данной части отсутствует.

К аналогичному выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в совершении адвокатом П. действий, подрывающих «деловую репутацию других адвокатов».

Жалоб от иных адвокатов в связи с действиями адвоката П., обжалуемыми адвокатом Г., в Адвокатскую палату города Москвы не поступало. Полномочий выступать от имени других адвокатов – защитников обвиняемого А. у заявителя – адвоката Г. не имеется. Доводы заявителя – адвоката Г., изложенные в письменных возражениях от 12 августа 2024 года, основаны на неправильном толковании им пп. 1 п. 1 ст. 20 и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Помимо этого, заявитель – адвокат Г. выдвигает в отношении адвоката П. дисциплинарные обвинения в неуведомлении последним его (адвоката Г.) о вступлении в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого А. и в отказе от согласования с ним (адвокатом Г.) позиции защиты по уголовному делу.

Действительно, пункт 7 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденного VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года (опубликован для всеобщего обозрения на

официальном сайте ФПА РФ по адресу: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/) предусматривает обязанность адвоката уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии.

Адвокат П. утверждает, что такое уведомление всех адвокатов-защитников А. было сделано самим А. Этот довод адвоката П. заявителем – адвокатом Г. не опровергнут, тогда как именно на последнего возлагается обязанность опровержения позиции адвоката П. и доказывания выдвинутых дисциплинарных обвинений.

Между тем, сделанное самим доверителем уведомление своих защитников о вступлении в дело еще одного адвоката в качестве его защитника исключало необходимость в дополнительном уведомлении о том же со стороны самого защитника, вступившего в дело. Каких-либо конкретных требований к форме такого уведомления корпоративными нормативными актами не установлено.

Кроме того, как указано выше, 29 марта 2024 года адвокаты П. и Г. совместно участвовали в заседании Басманного районного суда города Москвы в качестве защитников А. при рассмотрении ходатайства следователя о продлении срока содержания последнего под стражей. Следовательно, адвокату Г., как минимум, с 29 марта 2024 года было достоверно известно о вступлении адвоката П. в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого А.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в части данного дисциплинарного обвинения презумпция добросовестности адвоката П. не опровергнута.

В части дисциплинарного обвинения в несогласовании адвокатом П. с адвокатом Г. позиции по уголовному делу Совет отмечает, что такой обязанности Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве не содержит, при этом п. 5 Стандарта возлагает на адвоката обязанность согласовать позицию по делу со своим подзащитным.

В этой связи Совет также отмечает, что в соответствии с п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не вправе иметь самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица.

В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, последний не вправе занимать позицию по делу, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного.

Данные нормативные предписания, как каждое в отдельности, так и в своей совокупности, также указывают на обязательность для адвоката придерживаться позиции, избранной доверителем. Следовательно, позиция адвоката Г. не могла и не должна была отличаться от позиции защиты, избранной их общим с адвокатом П. доверителем А.

По этим причинам Совет, также соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в данной части.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в «неоднократном и публичном подрыве…деловой репутации, авторитета адвокатуры в целом», выраженном в «эксплуатации» адвокатом П. как защитником обвиняемого А. «необоснованного и ложного довода» об оказании противоправного давления на свидетелей по указанному уголовному делу иными адвокатами А., так как это «озвучивается в судебных заседаниях под председательством судей, которые рассматривают или могут рассматривать как уголовные дела, так и иные материалы по другим делам, в которых» адвокат Г. оказывает «или может оказывать в будущем квалифицированную юридическую помощь, а также при участии иных участников процесса (сотрудников правоохранительных органов) и сторонних слушателях», Совет признает данное обвинение необоснованным.

Как последовательно указывает адвокат П., его позиция о возможном оказании воздействия на свидетелей со стороны адвокатов, не содержащая каких-либо ссылок на конкретных адвокатов и конкретные обстоятельства оказания такого давления, являлась реакцией на сведения, содержащиеся в материале, неоднократно представленном следователем в суд в обоснование ходатайства о продлении срока содержания А. под стражей. В частности, в состав указанных материалов следователем всякий раз включался протокол допроса свидетеля Е. от 04 октября 2023 года, в котором указано, что в ходе разговора с неким адвокатом свидетелю Е. было предложено придерживаться показаний, которые она давала 08 августа 2023 года, «то есть фактически я должна отказаться от правдивых показаний».

Именно во взаимосвязи с показаниями свидетеля Е. адвокатом П. и высказывалось предположение о том, что просьбы о возвращении свидетеля к показаниям от 08 августа 2023 года исходили от лица, имеющего статус адвоката.

Эти доводы адвоката П. заявителем – адвокатом Г. не только не опровергаются, но и подтверждаются путем представления фотокопии указанного протокола допроса в приложении к письменным возражениям. Им также признается тот факт, что адвокат П. никогда в указанном контексте не ссылался именно на него.

Приведенное выше содержание аудиозаписей судебных заседаний, представленных в материалы дисциплинарного производства самим заявителем, также свидетельствует о том, что позиция адвоката П. являлась реакцией на сведения и доводы, представленные суду следователем. При этом ссылка на возможную причастность непоименованных адвокатов носила характер предположения и была вариативной, поскольку содержала упоминание о возможном совершении указанных действий не только адвокатами, но и иными лицами. Наконец, этот довод адвоката П. находился во взаимосвязи с его главным доводом – о невозможности совершения указанных действий именно обвиняемым А.

То обстоятельство, что в устном выступлении адвоката П. в заседании … суда 08 мая 2024 года не содержится ссылки на «иных лиц», а указано только на адвокатов, не меняет указанного вывода, поскольку и в этом случае адвокат П. лишь комментировал довод следователя, при этом высказался предположительно и не указал на какого-либо конкретного адвоката, включая адвоката Г. При этом, как указано выше, в своей апелляционной жалобе, являвшейся предметом рассмотрения в указанном судебном заседании, адвокат П. указал: «из представленных материалов следует, что действия, которые можно расценить как оказание давления на участниками судопроизводства совершались: 1. Адвокатами; 2. Либо иными лицами, – но не А.».

При таких обстоятельствах утверждение заявителя – адвоката Г. о том, что адвокат П. своими действиями «фактически признал факт противоправного давления на свидетелей», является необоснованным, так как указанные сведения, как уже отмечено выше, были представлены в суд следователем, а адвокат П. лишь давал им собственную оценку с позиций защиты интересов А.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства и в указанной части дисциплинарных обвинений, поскольку они не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, а презумпция добросовестности адвоката П. не опровергнута.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. (регистрационный номер … в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе адвоката Г. от 27 мая 2024 года (вх. № …):

в части дисциплинарных обвинений в совершении при осуществлении защиты А. по уголовному делу № … действий, нарушающих права и законные интересы обвиняемого А., а также подрывающих «деловую репутацию других адвокатов», – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**